

ЛѢТѢ ПИСЬ ДВУХ КОРОЛЕВ

В наступившее 6714-е (ультрамартовское исчисление) лето от Сотворения мира, во Владимире Залесском неспешно умирала молодая, хотя давно уже разбитая параличом, Великая княгиня Владимирская, урожденная Чешская королева. 6 лет назад скончалась ее сестра [ПСРЛ, т. 15-й, с.290] – удельная княгиня Торжковская, жена Торопецкого княжича, сведенного с Новгородского стола, внука Мстислава Храброго. Замужество той, когда-то, три десятилетия назад, казалось неизмеримо удачней...

01 марта 1205 года родители, вызвав из удела предпоследнего – младшего сына Святослава, номинального Новгородского князя, отослали от себя на престижный – престолонаследнический Новгородский удел старшего княжича Константина, далекого от матери. (Что отец сумеет достойно распорядиться уделами взрослых, но пошедших в него безволием сыновей, игрушек местечковых бояр, самостоятельно, русская царица не рассчитывала). Отдав это последнее распоряжение, на следующий день болящая приняла схиму. Летопись среднего сына княгини повествует: «В лето 6714. Марта въ 1 день посла великий князь сына своего Костянтина на столь Новугороду, а Святослава приведе къ собе. Того же месяца марта въ 2 день пострижеса велика княгини Всеволожаа въ черници и въ схиму въ монастыри святыя Богородица, юже бе сама создала. И нарекоша имя еи Мария, въ той же и крещена бысть прежде. И проводи ю великий князь самъ съ слезами многими до монастыря, и сынъ его Георгии, и дщи его Всеслава Ростиславляя, яже бе приехала немощи ея видети, матери своея. Ту бысть епископъ Иоаннь, и Симонъ-игумень – отецъ ея духовный, и инии игумени вси и черньци, и черници, и весь народ, проводиша съ слезами многими. Зане бяшетъ до всехъ добра и бе из детска живуши, любяще правду и въздаючи честь епископом, игуменомъ и черньцемъ, и попомъ, и любляше черноризици, подаваючи имъ требование, бяшетъ бо нищелюбиза и странноприимница, печальныя и нужныя, и болныя, техъ всехъ утешашеть, и подавашеть имъ требование. Месяца того же въ 19 день, на память святою мученику Хрусанфа и Дария, престависа великая княгини Всеволожаа, пребывши въ монастыри 18 днии, отнележе пострижеса, а въ болезни 8 лет. Наставшу же девятому лету, поиде к богови. И великому князю ту плачущюся над нею и не хотящу утешитися, и Юрью, сыну ея, тако же плачущю и не хотящу утешитися, зане бе любимъ ея...» [ПСРЛ, т. 41-й, с.126]. Дальше ее, точно в текст, повторяет похвала покойной, скопированная из неизвестного источника микулинским летописцем (отсутствовавшая в его главном источнике, передаваемом Холмогорской летописью), включенная им в «Свод 1518 г.»: «Того же лета месяца <марта> 2, на память святога мученика Феодота, пострижеса великая княгини Всеволожа в черници и во схиму въ монастыри святыя Богородица, иже бе сама создала. И нарекоша имя ей Мария, въ то же имя крещена. И проводи ю великий князь самъ со слезами многими до монастыря и въ церковь святыя Богородица, и сынъ его Георгий, и дочь его Всеслава, яже бе приехала ко отцу и, матери своей немочи видети. Ту бо епискупъ Иван, и Симонъ, отецъ ея духовный, иные игумены и черньцы, и вси бояре и боярыни, черници изо всехъ монастырей и горожане. И плакахуса ей вси убозии, как кормилици, печальнии – заступници, темничнии – избавление [от волнения летописецъ сбился в роду ряда дополнений], окованнии – разрешение, назии – одеяние, больные – посещение; вси плакахуса – неизреченныя ея доброты, бяше бо око слепымъ, ноги хромымъ, не требовати земныхъ ничтоже, будущихъ благъ желаше вся дни живота своего; бе бо изъ детска возраста во страсе Божие живяше, любяше правду, воздвизающе честь епискупъмъ и игуменомъ, черницамъ и прозвитеромъ, любя черноризици, подоваше требование имъ, бяшо нищелюбива и странналюбива, печальные и больные вся утешаше. Того же месяца 19, на память св.мч.Орусала и Дарьи, преставишася великая княгиня Всеволожа, пребывши в монастыре 18 день постригшеса; а въсея болезни ея летъ 8, наставшу же 9-му лету, поиде къ Богови. Великому же князю плачущюся ту, бе бо ю излиха любя, Георгию, сыну ея, тако же плачущюся плачемъ великимъ, зане бе любимъ ея, и Володимеру, и Всеславу, Павлу – Смоленскому епискупу и Михаилу – игумену Отроча его монастыря, зане бяста приехали отъ Смоленска отъ Мстислава молитца о извенении его, и Симону-игумену, отцу ея, и инемъ попомъ и игуменомъ, певшимъ, имъ [снова сбился летописецъ], обычные песни, опрятавше тело ея, вложиша во гробъ камень въ монастыри, у церкви святыя Богородица, юже бе сама создала, и украси ю иконами и писаниемъ доброизвестно» [там же, т. 20-й, с.144; т. 15-й, с.302].

...Подувший 23 февраля ураган нес мерзлый песок в лицо русским солдатам. На 12-й день наступления – 24.02.1905 г. фронт 1-й армии был прорван. И хоть 40 батальонов армии Куроки войдя в прорыв открыли фланг 80-ти батальонам армии Линевица, все мысли командующего направились к тому, чтоб «отступить в полном порядке». 25-го числа войска, подчиняясь бесславному приказу главнокомандующего Куропаткина, покатались с позиций под Мукденом на север. 26 февраля был оставлен Мукден, 01 марта Телин, лишь к 10 числу армия, преследуемая противником очень слабо, остановилась на Сыпингайских позициях.

В апреле в Лондоне собрался 3-й съезд Социал-демократической партии.

"В конце июня в Портсмуте открылись мирные переговоры ("честным маклером" на сей раз был Теодор Рузвельт), но военные действия продолжались. Если когда-либо России для дальнейшего ее великодержавного существования нужна была победа, то это, конечно, было летом 1905 года. Перейди Линевиц всеми своими силами в наступление, он задавил бы японцев своей многочисленностью и качеством своих войск. Победа сразу же подняла бы в стране престиж династии, заметно и опасно ослабевший, беспорядки 1905 года не перешли бы в смуту, и Россия избавилась бы от гангрены Таврического дворца. С другой стороны, победа при Сыпингане раскрыла бы всему миру глаза на мощь России и силу ее армии, сумевшей так скоро оправиться от тяжкого поражения. Престиж России, как виликой державы, поднялся бы высоко, и в июле 1914 года германский император не посмел бы послать ей заносчивый ультиматум. Перейди Линевиц в наступление от Сыпингай – Россия не знала бы бедствий 1905 года, взрыва 1914-го и катастрофы 1917-го.

...Цусимская катастрофа произвела гнетущее впечатление, но значение ее могло быть сведено на нет победой при Сыпингане. Мирные же переговоры вместо того, чтобы стимулировать энергию перспективой позорного мира, лишь угашали слабую, дряблую волю русских военных деятелей упадочного периода. Деятели эти не сознавали, что от них зависит заменить позорный мир миром почетным, спасти Россию от надвигавшихся потрясений. 23 августа на борту «Мейфлауэра», президентской яхты, Витте и Талахара подписали мирный договор" [А.А. Керсновский «История Русской армии», 1992-1994, т. 3-й, с.с. 82-83]. Эпоха Русского самосознания, длившаяся 700 лет, завершилась.

Мы отметили [http://www.zrd.spb.ru/letter/2013/letter_0068.htm] то замечательное свойство, что привнесли в летописание хронисты 1160-х – 1170-х годов. Они возвратили в анналы черту бытового мировоззрения Древ.Руси, изгнанную из книжных текстов (любых, дошедших от эпохи, кроме летописных кон. XII в.!) православным монашеством, – слова о молитвах, возносимых пращурами за героя повествования, перед престолом бога-Рода, позволив понять характер древнеславянского богопочитания (противоположный иудео-христианскому, вообще авраамическому!), его достоинство и величественность, вопреки баснословиям монахов-византийцев [см.: Р.В.Жданович «Древности руссов. Где искать славянский Парфенон?», М, 2013, ч. 1-я]. Ими было возвращено достоинство Солнцу, русскому богу-Роду, поднесь ненавистному гоеборцам [см. http://samlib.ru/editors/z/zhdanowich_r_b/mmm.shtml].

Исследовав великокняжескую суздальскую летопись, представленную в летописях Лаврентьевской, Радзивилловской и Переславльской (Переславля Залесского), Ал.Ал-дрович Шахматов отметил особенность ее, наблюдаемую во всех списках: сдваивание рассказа из Переяслава Русского [ПСРЛ, т. 1-й, с.359 и дал.; т. 41-й, с.92 и дал.] – рассказанного переяславцем (говорящим так о себе и о своих), об одной и той же битве князя Михалка Юрьевича, звучащего под 1169 и, рассказывая по-иному, далее – под 1171 г. (л.л. 6677-е и 6679-е).

Половцы князя Тоглия пришли заключать договор с новым Киевским князем – Глебом Юрьевичем, посаженным на Золотой стол Киевский братом Андреем в 1169 году, заместо низвергнутого Мстислава Изяславича, но решили воспользоваться неурядицей, наставшей в междуцарствие, и пограбить вотчины Десятинной церкви: «...слышав же князь Глѣбъ рѣчь¹⁸ князии Половецкыи¹⁹. въсхотѣ к нимъ ити на сне^м. и ре^к посломъ Половецкыимъ²⁰. иду к ва^м. и думашеть²¹ з дружиною²² св^оею²³ въ томъ . г²⁴ которы^м поидемъ передъ²⁵.

и здумаша пре^ж ити к Переа^сславлю . блюда Переа^сславля . кн^азь бо Переа^сславьскыи
Глѣбовичь . Володимеръ . в то время бл^ашетъ ²⁶ малъ а^еко . вѣ . лѣ^т ²⁷ . [и] ^в иде Глѣбъ к
Переа^славьскыи^м Половце^м . на сне^м . а къ ²⁸ другыи^м Половце^м к ²⁸ Русьскыи^м ²⁹ посла река
. пождѣте мене ту иду к Переа^сславлю оумирюса ³⁰ с тѣми Половци . [и] ^в приду к ва^м на
миръ . смиривъ же са ³¹ с Половци и подаривъ ³² и ³³ . поѣха ѡ ни^х . Половци же
възвратишася ^вплатъ в Половцѣ ³⁴ . Глѣбъ же Гюргевиць поиде ³⁵ г ¹⁴ Корсуньскыи^м Половце^м .
с братомъ своимъ Михалкомъ . и с дружиною своею . и бѣвшю ему на Перепетовскомъ поли
. Половци же ти ³⁶ слышавше ѣхавша Глѣба к Переа^сславлю . и здумаша . се Глѣбъ ѣхаль
на ^вну сторону къ ^внѣмъ Половце^м . а тамо юму пострати а к на^м не ѣхаль . поидемъ ³⁷ за
Кълевъ возьмемъ села . и поидемъ с полоно^м в Половцѣ . и ѣхаша за Кълеву воевать ³⁸ . и
приѣхаша к Полному ³⁹ г къ стѣи Бцѣ граду к десатинному . и к Сѣмьичю . и взяша села
безъ оутеча . с людми ⁴⁰ . с мужи и с ⁴¹ женами . конѣ ⁴² . и скоты . и ^ввцѣ погнаша ⁴³ в
Половцѣ . а ⁴⁴ Глѣбови ⁴⁵ князю воротившюса ѡ Переа^сславля и хоташю юму на ^вну сторону
Днѣпра . г ¹ Корсуню на сне^м . к Половце^м . [и] ^а бѣвшю юму на Перепетовскомъ поли
бѣ^с юму вѣсть а^еко не дождавъ ² Половци сонма ³ ѣхали воевать ⁴ . и воюють . Глѣбъ же се
⁵ слышавъ хотѣ на нь са^м ити ⁶ . Берендѣеве же аша за поводъ ⁷ . рекуще ⁸ княже не ѣзди .
тобѣ лѣпо ⁹ ѣздити в велицѣ полку . еда совкупишиса ¹⁰ с братьею ¹¹ . а нынѣ пошли брата
которого любо ¹² . и Берендѣевъ нѣколько ¹³ . Глѣбъ же посла брата ¹⁴ своѣго Михалка . и с
нимъ ¹⁵ Переа^славецъ . р . а Берендѣевъ полторы . тыса^чи . Михалко же послушанье ¹⁶
створи братне . а друж[ин]ѣ ^в юго не суши ¹⁷ с нимъ . и не вѣдущимъ ¹⁸ поѣзда князя
своѣго борзо . Михалко же цѣловавъ ¹⁹ брата своѣго Глѣба . и всю дружину братню . и иде
по Половци^х ²⁰ . и переа^сша Берендѣеве ²¹ дорогу Половецкую . и поидоша по ни^х с
Михалкомъ . и наидоша ²² сторожѣ Половецкыи^ѣ . бѣ же ихъ число^м . т . и ^вобѣхавше ²³
ихъ безъ вѣсти [ѡ вѣ^х] ^в избиша и ²⁴ другыа^ѣ ²⁵ изымаша . и почаша впрашати ²⁶ живыхъ
[изыманыхъ] ^г . много ли ваши^х назади . и рѣша много есть а^еко ²⁷ . з . тыса^чь . наши же
слышавше думаша ²⁸ ^вже дамъ симъ животь а Половецъ много есть назади . а на^с есть ²⁹
мало . ^вже ³⁰ са с ними начне^м бити то се ³¹ на^м будутъ первии ворози . и избѣша а^ѣ всѣ
³² . не оупустивше ни мужа ³³ . и поидоша по дорозѣ ихъ . воевода же бѣ оу Михалка
Володиславъ ³⁴ . | Аеновъ бра^т . и оусрѣтоша Половецъ ³⁵ идуща с полоно^м . и бившеса ³⁰
ѡдолѣша ³⁷ имъ ³⁸ . самѣхъ избиша а полонъ свои ѡа^сша . впрашаша ³⁹ же и тѣхъ ⁴⁰ много ли
вашихъ назади еще . и рѣша топерво ⁴¹ великыи полкъ идеть . наши же Бѣю помощю . и
стѣю Бцѣю крѣплехуса . дождашася ⁴² того великого полку . и поѣхаша противу собѣ
оуповающе на крѣтъ чѣтныи ⁴³ . бѣ^с же оу поганыхъ и хоташю юму на ^вну сторону Днѣпра .
г ¹ Корсуню на сне^м . к Половце^м . [и] ^а бѣвшю юму на Перепетовскомъ поли бѣ^с юму
вѣсть а^еко не дождавъ ² Половци сонма ³ ѣхали воевать ⁴ . и воюють . Глѣбъ же се ⁵
слышавъ хотѣ на нь са^м ити ⁶ . Берендѣеве же аша за поводъ ⁷ . рекуще ⁸ княже не ѣзди .
тобѣ лѣпо ⁹ ѣздити в велицѣ полку . еда совкупишиса ¹⁰ с братьею ¹¹ . а нынѣ пошли брата
которого любо ¹² . и Берендѣевъ нѣколько ¹³ . Глѣбъ же посла брата ¹⁴ своѣго Михалка . и с
нимъ ¹⁵ Переа^славецъ . р . а Берендѣевъ полторы . тыса^чи . Михалко же послушанье ¹⁶
створи братне . а друж[ин]ѣ ^в юго не суши ¹⁷ с нимъ . и не вѣдущимъ ¹⁸ поѣзда князя
своѣго борзо . Михалко же цѣловавъ ¹⁹ брата своѣго Глѣба . и всю дружину братню . и иде
по Половци^х ²⁰ . и переа^сша Берендѣеве ²¹ дорогу Половецкую . и поидоша по ни^х с
Михалкомъ . и наидоша ²² сторожѣ Половецкыи^ѣ . бѣ же ихъ число^м . т . и ^вобѣхавше ²³
ихъ безъ вѣсти [ѡ вѣ^х] ^в избиша и ²⁴ другыа^ѣ ²⁵ изымаша . и почаша впрашати ²⁶ живыхъ
[изыманыхъ] ^г . много ли ваши^х назади . и рѣша много есть а^еко ²⁷ . з . тыса^чь . наши же
слышавше думаша ²⁸ ^вже дамъ симъ животь а Половецъ много есть назади . а на^с есть ²⁹
мало . ^вже ³⁰ са с ними начне^м бити то се ³¹ на^м будутъ первии ворози . и избѣша а^ѣ всѣ
³² . не оупустивше ни мужа ³³ . и поидоша по дорозѣ ихъ . воевода же бѣ оу Михалка

Володиславъ ³⁴. | **А**новъ бра^т. и оуср^ѣтоша Половецъ ³⁵ идуша с полоно^м. и бившеса ³⁰ **в**дол^ѣша ³⁷ имъ ³⁸. сам^ѣхъ избиша а полонъ свои **в**ѣша . впрашаша ³⁹ же и т^ѣхъ ⁴⁰ много ли вашихъ назади еще . и р^ѣша топерво ⁴¹ великъли полкъ идеть . наши же Б^ѣю помощю . и ст^ѣю Б^ѣю кр^ѣпл^ѣхуса . дожdashася ⁴² того великого полку . и поб^ѣхаша противу соб^ѣ оуповающе на кр^ѣтъ ч^ѣтн^ѣли ⁴³. б^ѣ же оу поганъ^х . ѿ . сотъ копии . а оу ⁴⁴ Руси девансто копии . над^ѣюще же са ⁴⁵ на силу погании поидоша . и наши противу имъ . Пере^ѣславци же ⁴⁶ дерзи суще . поб^ѣхаша напередъ с Михалкомъ . Беренд^ѣеве же ⁴⁷ ѣша к^нза за поводъ . и не даша имъ ^ѣхати . рекуще ⁴⁸ не ^ѣдите въ напередъ . въ есте нашъ городъ . а ⁴⁹ м^ѣ поидемъ напередъ стр^ѣлци . и снашася **в**бои . и б^ѣ с^ѣча зла . и поташа стаговника нашего . и челку стаговую сторгоша ⁵⁰ стага . и с^мтошася **в**бои б^ѣючиса ⁵¹. Володиславъ же ⁴⁶ зам^ѣсли ⁵² стагъ **в**зати Михалковъ и нат^ѣкнути на нь прилбицю ⁵³. и собравшеса поткнуша ⁵⁴ на нь . стаговника ⁵⁵ Половечьского поташа . и Михалка к^нза оударisha ратнии . дв^ѣма копъема в ⁵⁶ стегно . а третимъ копъ^ѣ в руку . но Б^ѣ **в**ц^ѣа ⁵⁷ д^ѣ юго млтвою избави юго ⁵⁸ **в** смр^ти **ѣ**коже и пре^ѣ ⁵⁹ в луц^ѣ моря . и **ѣ**ко^ѣ б^ѣхуться кр^ѣпко . и вид^ѣше Половци поб^ѣгоша . и наши по ни^ѣ погн^ѣша . **в**въ с^ѣкуще . **в**въ ем^ѣюще . и ѣша ихъ руками полторы т^ѣсл^ѣч^ѣ . а прочии ⁶⁰ избиша . а к^нзь ихъ Тоглии ¹ оутече . и б^ѣ помощъ хр^ѣта ч^ѣтнаго . и ст^ѣое ² м^ѣре Б^ѣи ³ Деса^тинное ⁴ Б^ѣи ⁵. е^ѣже ⁶ бл^ѣхуть ⁷ волости за^ѣли . да аще Б^ѣ не дасть въ **в**биду ч^ѣлка проста . юда начнуть юго **в**бид^ѣти ⁸. аже ⁹ свое^ѣ ¹⁰ м^ѣре дому . и приде Михалко с Пере^ѣславци . и с Беренд^ѣи г ¹¹ К^ѣюву . поб^ѣдивше Половци . хр^ѣане же избавлени то^ѣ работ^ѣ . полонении же **в**звратишася ¹² **в**пла^ѣ ¹³ в свое^ѣ си . а | прочии вси хр^ѣане прославиша ¹⁴ Ба^ѣ и ст^ѣю Б^ѣю . скорую . помощницю роду хр^ѣаньску ¹⁵» [там же, т. 1-й, с.с. 359–361]. Честной крест и помощь святой матери Божьей спасали «простых человек», обиженных инородцами, но спасали не нарушением пространственно-временного континуума, а деяниями князя Михалка, за которого возносил молитву Богу (противоположаемому богу христианскому) его покойный, не относимый к святым (как, скажем, Андрей Боголюбский), а напротив – к многогрешным беззаконникам, отец, князь Юрий Владимирович Долгорукий.

Любовь и забота о Глебе и Михалке летописцем приписана тюрко-берендеям напрасно. Это – его отношение к князю, а не отношение княжеских послужильцев. Зная боевые возможности тяжело бронированной рыцарской рати русских дружинников, легкоконные кочевники страшились, что переяславцы быстро «выжмут» коней, став бесполезными к моменту сближения с многократно превосходящим противником после перестрелки, к копейной сшибке. Потому они заботились, дабы во время боя на дистанции, до опорожнения колчанов, тяжелая конница оставалась в резерве, ударив на половцев, когда те уже не смогут, ни расстрелять атакующих, ни уклониться на усталых конях от таранного удара латников. Так и произошло, и сил у верных половецких воинов хватило лишь на то, дабы прикрыть бегство хана, грудью встречая устремившихся на него русского князя и воеводу со знаменщиком. То, что рыцарская рать Переяславского княжества, усиленная кочевыми послужильцами, была способна на подобное разделение по родам оружия, подтверждается также примером битвы воинов Михалки на Белеховом поле в 1175 г. под Владимиром [см. http://samlib.ru/editors/z/zhdanowich_r_b/izistoriirussskogosamizdata.shtml, гл. 3-я], показывает что военное дело было поставлено на Руси в XII в. гораздо выше, нежели в соседних странах, открывая происхождение тактических открытий чешских полководцев начала XV в.

Особенность суздальских летописей имеется и в южнорусской Ипатьевской летописи, где события сдвинуты на два года вперед [ПСРЛ, т. 2-й, с.558 и дал.]. Академик Шахматов предположил здесь ошибку, допущенную при сведении летописи Переяслава Русского, образовывавшейся слиянием двух переяславских летописей: княжеской и епископской [А.А.Шахматов "Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI в.в.", М.-Л., 1938, с.с. 51-53]. Это объяснение не видится нам самым удачным: в обоих рассказах летописец называет языческую молитву за князя Михалка его пращуров [В.Л.Комарович «Культ Рода и земли в княжеской среде XI-XIII вв.», ТОДРЛ, т. 16, 1960, с.с. 87-89]. Судя по Повести временных лет (летопись Печерского и Выдубицкого монастырей), по Новгородской I летописи Старшего извода

(летопись Юрьевского монастыря), по Карамзинской летописи (сохранившейся в митрополичьей выписке), летописцы-иноки подобных вольностей не допускали.

Ключом служит особенность второго рассказа, далее, в рассказах о кампаниях 1174-1176 годов, повторяющаяся во всех летописях, кроме Лаврентьевской.

В Суздальской летописи, в рассказе о битве под Переяславом Русским, помещенным под лето 6679-е, гораздо более сдержанным, если не язвительным по отношению к Глебу, более сжато и динамично, к отцовской молитве богу-Роду добавилась дедовская, а к имени Михалка – механически, без стилистического согласования, приписывается имя младшего брата Всеволода. Вот этот рассказ: «Глѣбу князю Кълевскому . в то время болну сущю . посла ⁶ бра^т ^А своѣго Михалка с брато^м своимъ Всеволодо^м по Половци^х ⁷. Михалко же послушливъ съ¹ ⁸. иде ⁹ борзо по ни^х . и сгони ¹⁰ ихъ за рѣкою Бо^мь . с Берендѣи . и с Торкѣи с ¹ воеводою своимъ Володиславомъ . и наѣхаша дорогу ихъ . и поѣхаша по ни^х ¹¹. и оусрѣтоша [æ] ^Б с полоно^м . бишася ¹² с ними . и наши ¹³ Бѣ^ю помощью . инѣхъ ¹⁴ избиша . а другѣи^ѣ извѣзаша ¹⁵. и рекоша имъ ¹⁶. много ли ваши^х назади . и рѣша ¹⁷ мнози су^т . и ре^ч Володиславъ держи^м колодникѣи сѣ¹⁸ собѣ на смр^{ть} . повели ¹⁹ кн^{же} сѣчи ²⁰ [æ] ^В. и исѣкоша всѣ . поѣхаша ²¹ по дорозѣ ²². и срѣтоша и ²³ паки ²⁴. и ²⁵ сступишася с ними битъ ²⁶. и поможе ²⁷ Бѣ^ю Михалку со Всеволодо^м на поганѣи^ѣ . [и] ^Г дѣдна и штна млтѣва ^Д. и сбѣ^сса ²⁸ в ²⁹ не^{лю} . сами^х поганѣи^х ³⁰ избиша . а другѣи^ѣ извѣзаша ³¹. а полонѣ свои ^Ѡвѣша . . у^ч . чади . и ²⁵ пустиша ^ѣ ³² во своѣ си . а сами възвратишася ³³ в Кълевъ ³⁴. славаще Ба^и и ст^юу Бѣ^ю . и кр^{ста} ч^{тна}го» [ПСРЛ, т. 1-й, с.364]. Кроме напоминания читателям о болезни Глеба, умершего на 2-й год княжения в Киеве [там же] и как показало следствие Андрея Боголюбского, от отравления (что опустила Суздальская, но сообщила Ипатьевская летопись) [там же, т. 2-й, с.570], рассказ вменяет Михалку соработничество младшего брата Всеволода.

Такого не могло быть. Во-первых, поскольку Всеволоду было в 1169 г., после вокняжения в Киеве Глеба, 12 лет (первая статья говорит о тревоге Глеба за 12-летнего сына Владимира, сидевшего за стенами кремля и острога в Переяславе), во-вторых, потому что, при сотне переяславских дружинников, посланных на 7-тысячного противника при воеводе и взрослом князе, второго князя-подростка не требовалось вовсе. В-третьих, как сообщает генеалогическое сочинение «Се князи русские», до 1176 г. Всеволод, высланный с матерью (мачехой Боголюбского кесаря) и братьями Михалком и Мстиславом в Византию Андреем Юрьевичем, оставался в Солуни, придя на Русь после смерти Михалка [там же, т. 3-й, с.468, т. 16-й, с.2; т. 17-й, с.311; «Очерки феодальной России», вып.11, с.217].

Важным мы считаем не то, что так говорит источник, вполне возможно – тенденциозный, заботящийся о создании алиби Всеволоду в событиях 1174 – 1175 годов [http://www.zrd.spb.ru/letter/2013/letter_0024.htm]. Суздальская летопись также блюдет его алиби, утверждая об аресте его перед убийством Андрея Боголюбского, севшими в Киеве Ростиславичами, как о цели бесславного похода на Киев Суздальской рати в 1172 г. [ПСРЛ, т. 1-й, с.366]. Важно то, что приписка к повествованию о «мести обиды», за убийство Андрея, его брата Михалка имени Всеволода сделана так же механически, как к рассказу о битве под Переяславом, выдавая одну руку.

Исследование, открывшее шов в Радзивилловской и Переславльской летописях за 1205 годом [Н.И.Милютенко «Владимирский великокняжеский свод», ТОДРЛ, т. 48-й, 1993], открыло персону таинственного редактора великокняжеской летописи Юрьевичей, чьи приемы были переняты всеми летописями, кроме Лаврентьевской: Вел.княгини Владимирской Марии, урожденной Милославы Шварновны Чешской, жены Всеволода Большое Гнездо [Г.М.Прохоров «Древняя Русь как историко-культурный феномен», СПб., 2010, с.с. 122-126].

Король Шварн выдал за русских княжичей двух (известных нам) дочерей. Гораздо более удачным казалось замужество первой – видимо старшей, ставшей женою Ярослава, Смоленского княжича – сына Владимира Псковского, внука Мстислава Храброго (по его второму браку), намечавшегося в Новгородские князья. Милослава была предназначена Всеволоду – последнему сыну Юрия Долгорукого, от второй его жены, высланной на родину

воцарившимся пасынком Андреем Юрьевичем. Тогда никто не думал, что очень скоро Марья Шварновна окажется Русской королевой, а ее сестра завершит жизнь удельной княгиней скромного Торжка, похоронив единственного сына (+ 1197).

Буйные фантазии кремлевских «черкесов» – о кавказском происхождении Марьи (<http://yaranr.ru/content/view/116/31/>), основанные на путанице ее с Марией-осетинкой в одной из летописей, распространяемые в Рфии, не имеют ничего общего с действительностью. Пояснение «*Мария ясыня-Шварнова*», сделанное в летописи князей Кривоборских (потомков младшего сына княгини), говорило о происхождении ее – дочери Северина Чешского, уроженки местности на речке Ясеница (имя чисто славянское). В редактировавшемся Милославой сочинении, внесенном в тот же сборник, о ней говорится как о Марии Шварновне, дочери князя Чешского. В лето, когда, якобы, Всеволод Юрьевич знакомился с нею в Тбилиси (<http://gorets-media.ru/page/marija-jasskaja-knjaginja-russkaja>), – согласно ей же, самую Владимирскую княгиню редактировавшейся летописи – в 1169-1171 годах он оказывается в Переяславе Русском. По другому, выдающему ее руку – генеалогическому источнику, в Фессалонике, но отнюдь не в Тифлисе.

Предшествовавшая редакция летописи, сохраненная летописью Лаврентьевской, вкупе с внимательным, выделенным киноварью некрологом Михалка Юрьевича, включила упоминание, что умер Владимирский князь в Городце Волжском – граде Великом Китеже: «**В лѣтѣ . ꙗко . хъ . ꙗко . [6685 (1177)] Престависа блгѣовѣрнѣи . и хрѣтолюбивѣи князь Михалко . снѣ Гюргевъ . внукъ Мономаха ²² Володимера . В субѣту заходѣше слнѣцю . июня мѣца . въ . кѣ . днѣ д . на памѣ ²³ стаѣ . ѡца ²⁴ . Меводъѡ . И ²⁵ положиша и ²⁶ оу стѣе Бѣи Золотоверхое ²⁷ в Володимери . юже бѣ создалъ браѣ юго Андрѣи . Володимерци же поманувше Баѣ и крѣтною цѣлованью . к великому ²⁸ князю Гюргю . възшедше передъ Золотаѡ ворота . цѣловаша крѣтъ . ко Всеволоду князюбрату Михалкову . и на дѣтехъ юго . посадиш ²⁹ и . на ѡтни и на ³⁰ дѣдин столѣ в Володимери ³¹ . В то же лѣтѣ ³² . приведоша Ростовци и ⁵ боларе . Мстислава Ростиславича из Новагорода . рекуше [ему] * поиди княже к наѣ . Михалка Бѣ поѡль на Волзѣ на Городци...» [ПСРЛ, т. 1-й, с.с. 380-381].**

Это – летопись вдовы Михалка, княгини Февронии Суздальской (как мы полагаем, урожденной Муромской княжны). Окруженная почтением (судя по вниманию к ней князей и летописцев), прожив еще 25 лет, хотя вряд ли в согласии с новой королевой, она упокоилась не в Княгинином Богородице-Рождественском монастыре Владимира, а в гробнице Богородице-Рождественского собора Суздаля. Передать Владимирский престол своим детям и внукам ей не удалось.

В Переяславе Русском – доменном княжестве потомков Юрия Долгорукого, где княжил Владимир Глебович, сын отравленного Глеба Киевского, летописи двух Владимирских королей – вдовствующей Февронии и царствующей Милославы, по-видимому, не имевшие строгой разбивки на погодные главы, объединялись в единую летопись. Скоропостижная смерть в 1188 тяжело раненого в битве с половцами в 1185 г. («Слово...»: «Се у Римѣ кричатъ подѣ саблями половецкыми, а Володимеръ подѣ ранами, туга и тоска сыну Глебову») удельного князя прервала летописание. Рабочие заготовки были объединены механически – с дублированием по разному датированной статье 1169\1171 года. Судя по настроениям княжеского редактора [см. http://www.zrd.spb.ru/letter/2013/letter_0024.htm], он не особенно сочувствовал Суздальским князьям и не переусердствовал в работе.

Полагаю, ошибку в дате допустила юная и нетерпеливая, пришедшая на Русь в 1170-х годах Милослава. Остроту чувств Марьи Севериновны, 8 последних лет лежавшей в параличе, благодетельствуя духовенство но до последних 16 своих дней не принимая иночества – не допуская новой женитьбы мужа (чей холодный и невзрачный портрет, запечатленный в иконе св.патрона в Дмитровском соборе столицы, совершенно не производит впечатления...), – выдала эта забавная черта: нетерпеливо (без согласования чисел) вносимые в летопись предшественницы, где рассказывалось о деяниях ее мужа, приписки с именем Всеволода...

Роспуск канцелярии Владимира Глебовича, не оставившего наследника, привел к тому, что черновой экземпляр (без дат) летописи был унаследован Ярославной Новгород-Северской, двоюродной сестрой Переяславского князя; хронологическая сетка, по которой распределялись его известия, была выполнена с ошибкой, приняв верхнюю дату за правильную. Так родилась Ипатьевская летопись – бывшая летописью удельного Северского, а затем Великого Черниговского князя [*«Энциклопедия Слова о полку Игореве»*, т. 3-й, с.159]. При образовании Киевского дуумвирата Игоря Святославича и Рюрика Ростиславича она пополнилась материалами летописи столичного тысяцкого Петра Бориславича – став Киевской летописью 1198 г. по Киево-Печерскому (Голицынскому) и Раскольничьему спискам. Закljučаем это, вопреки академику Рыбакову [*В.А.Рыбаков "Русские летописцы и автор Слова о полку Игореве"*, М., 1972, ч. 2-я], поскольку двухлетний сбой, присутствующий в Ипатьевской летописи, обнаруживаем также в киевских летописях, цитировавшихся В.Н.Татищевым. Смерть в 1202 г. Игоря и низвержение в 1203 Рюрика, сопровождавшееся неслыханным разорением Киева, прервало работу над этой летописной редакцией.

Замужество второй Чешской королевы объясняет появление в Богемских хрониках, повествовавших о борьбе Руси и Моравии с иггом хазар и хазарских послужильцев мадьяр [*А.Г.Кузьмин «Свержение Перуна»*, 1988, с.152], известий о матери Игоря Старого, сокрытого летописями греков-Мономахичей, норвежской королевы Евфанде, чьим братом был Олег Вещий, общего с Раскольничьей летописью – сказавшей об этом [*В.Н.Татищев Собр.соч.*, 1994, т. 1-й, с.110]. В 1199-1203 г.г. на Великом столе Киева, чей тысяцкий Петр вел летопись [*Рыбаков*, ч. 3-я], сидел князь-Ростиславич. Его сродником был Ярослав Торжковский. Полагаем, «антисемитская» [*Татищев*, т. 2-й, с.с. 128-129] летопись не допущенная в историографию подручников греческого василевса, описывая род Игоря, Святослава и Владимира, д.б. заинтересовать Милославу...

Второй экземпляр Переяславской летописи переходил к единокровному брату Глеба Всеволоду – во Владимир Залесский, послужив основой столичного летописания, унаследованного Юрием (Радзивилловская летопись) и Ярославом (Летописец Переславля Суздальского) Всеволодовичами.

Копия с него, по-видимому, оставалась в распоряжении вдовствующей княгини Февронии Суздальской, продолжая великокняжеское летописание редакции Лаврентьевской и Симеоновской летописей – после смерти княгини Февронии оказавшись в Ростове и используя для нужд ростовского летописания.

С летописью Милославы было сложнее. Радзивилловская летопись, подобно Ипатьевской, очищена от языческих молитв прашуров за подвижничавшего князя. В них таковые сохранились лишь под 1171 в Радзивилловской, 1169 и 1171 в Ипатьевской. Переславльская летопись 1214 года включает, с одной стороны, дописывание имени Всеволода, с другой – весь комплект молитв к богу-Роду 1168 – 1193 годов (подобно Лаврентьевской). Это особенность ее протографа 1205 г., завершившегося со смертью княгини. Он использовался создателем Микулинской летописи («Свода 1518 г.»), и соответственно, в источнике тверского летописца – не важно, копией какого века он располагал – языческая молитва стояла под 1193 г. (видимо, только здесь).

Иначе говоря, Владимирская княгиня пользовалась обеими рукописями, «правоверной» и «языческой», не только фиксируя события, но продолжая редактировать сочинение.

В суздальском летописании прослеживаемо, как, примерно к 1185 году, резко расширяется кругозор летописца, выборка фиксируемых событий обретает общерусский характер. В это же время, в великорусскую летопись вносится Летописная повесть о походе князя Игоря – ядовито полемицирующая со «Словом о полку Игореве», взывавшим к содействию Всеволода, попрекая его ранами племянника Владимира Глебовича, и видимо, успевшим за год обрести общерусскую популярность. Эта повесть была создана к 1188 году: в т.г. северские хронисты получили летопись Переяслава Русского и ознакомились с суздальским фельетоном, написав полемический летописный ответ (повесть об Игоревом походе в редакции Ипатьевской летописи). Так мы можем не только оценить возраст Всеволодовой княгини (о которой осенью 1181 г. сообщается, как родившей 4-ю дочь Сбыславу), чьей подпирательницей мужа энергичной руки еще не ощутимо в 1170-х годах, но и прочесть

предельно злую сатиру, сложенную ее участием, отталкиваясь от хрестоматийных оборотов «Слова о полку Игореве»: «Того^ж лѣ^т 1. здумаша Ѡлгови 2 внуци на Половци 3. занеже блху не ходили 4. томъ лѣ^т. со всею князью 5. но сами поидоша w собѣ . рекуще мѣи юсмѣи ци 6 не князи же . [поиде^м] А такъже 7 собѣ хвалѣи добуде^м . и снашася оу Переаеславлѣ^а . Игорь съ двѣма снѣома . из Новагорода Сѣверьскаго . ис Трубѣча 8 Всеволодъ . брата 9 юго Ѡлговичъ Стѣславъ из Рѣльскѣ^а . и Черниговьскѣ^{ае} помочь . и внидоша в землю ихъ . Половци же 10 оуслышавше . поидоша рекуще 11 бра^тѣ^а наша избита и wцѣи наши . а друзии изымани . а се нонѣ 12 на 13 на^с иду^т . послашася 14 по всеи земли своеси . а сами поидоша к симъ . и ждаша дружинѣи своеае . а си 15 к нимѣ^б иду^т к вежамъ ихъ . wни же не пустачи 16 в вежѣ срѣтоша ихъ . а дружинѣи не дождавше и ступишася . и побѣжени бѣвше Половци . и биша и 17 до вежѣ . множество 18 полона вѣаша 19 женѣи и дѣти 20 . и стоаеша на вежа^х . г^р . днѣи . Веселася 21 . а 22 рекуще бра^тѣ^а наша ходили с Стѣславомъ велики^м | князе^м . и билися с ними зрѣ 23 на Переаеславлѣ . а wни сами к нимѣ^м 24 пришли а в землю ихъ не смѣли по нимѣ^х ити . а мѣи в земли и^х юсмѣи . и самѣхъ избили а 25 женѣи и^х полоненѣи . и дѣти оу насъ . а нонѣ 12 поиде^м по нимѣ^х за Донъ . и до конца избеме^м ихъ . wже 26 нѣи буде^т ту 27 побѣда . иде^м по нимѣ^х 28 и 29 луку морѣ . гдѣ же не ходили ни дѣди нашаи вземе^м до конца свою славу и чѣтѣ . а не вѣдуше 30 Бжѣ^{ае} строенѣ^{ае} . а wстатокъ 31 бѣенѣи^х тѣ^х . бѣжаша дружинѣи 32 своеси . гдѣ 33 блху переже 34 вѣсть послали . и сказаша имѣ^м свою погѣбелѣ . wни же слышавше поидоша к нимѣ^м . а по друзии послашася 35 . и снашася с ними стрѣлци и бишася . г^р . днѣи . стрѣлци 36 а копѣи сѣ не снимали 37 . а дружинѣи wждаючи 38 . а 22 к водѣ не дадуче 39 имѣ^м ити . и приспѣ 40 к нимѣ^м дружина всѣ . многое множество . наши же видѣвше ихъ оужасошася 41 . и величанѣ^{ае} своего wпадоша 42 . не вѣдуше 43 глѣмаго прѣркѣ^м . нѣ^с члѣвку мдрѣ^сти 44 . ни е^с мужства^в . ни 45 е^с думѣи противу Г^сви 46 . изнемогли бо сѣ блху безводье^м . и кони и 47 сами в знои . и в тузѣ . и поступиша мало к водѣ . по . г^р . дни бо не пустили блху ихъ к водѣ 48 . Видѣвше 49 ратнии устремишася 50 на нѣ . и притиснуша Г^и и 51 к водѣ . и бишася с ними крѣпко . и 52 бѣ^с сѣча зла велми . друзии конѣи пустиша к нимѣ^м съсѣдше . и 53 кони бо блху по^т ними изнемогли . и побѣжени бѣш^а наши гнѣво^м Бжѣимѣ^м . князи вси изымани 54 . бѣша 55 . а болѣре и велможа 56 и 57 всѣ дружина избита . а другае^{ае} 58 изымана и та аевена . и 52 възвратишася с побѣдою великою Половцѣи . а w 59 наши^х не 60 бѣ^с кто и вѣсть 61 принеся 62 . за наше согрѣшенѣ . гдѣ бо блше в на^с радо^с . нонѣ 12 же въздѣханѣе и плачь распространися 63 д . Исаѣ^{ае} бо 64 прѣркѣ но Бѣ^т избави и . тако и сего Бѣ^т избави из руку поганѣи^х . а 22 wни 23 вси держими блху твердо и стрегоми . и потвержа^юми многими желѣзѣи и казнѣи» [ПСРЛ, т. 1-й, с.с. 398-401].

Судя по тому, что, вплоть до 1217 г., молитвы прашуровперестают упоминаться после 1193, а с 1217 (победа Константина) упоминаются только в Лаврентьевской и Симеоновской летописях, заключаем, что летопись велась собственной рукой Милославы. После паралича княгини это перешло в ведение ее духовника, постриженника Киево-Печерского монастыря, Рождественского архимандрита Симона – такого себе не позволявшего. В дальнейшем он сопровождал ее сына Юрия, вступившего в борьбу со старшим братом Константином Ростовским. И соответственно, в летописи Юрия – Радзивилловской и во Владимирском Летописце, чьи протографы сводились после смерти Милославы, а также в сохранившемся летописании Юрия 1210-х – 1230-х годов Московской летописи, мы языческих молитв не находим. Летописание Константина, шедшего за оппозиционным ростовским боярством, сохранило традицию Февронии Петровны Суздальской.

Как низко ставила Чешская королева – интеллектуалка своего времени, «веда Орева», как зовется Марья Севериновна в «Сказании о верных святых русских князьях» (имя этого русского прашура, чьею вѣдою, вещей женой была княгиня, открыла нам лишь Влесова Книга) [Жданович, гл.5], византийское преимство – показывает протой факт. С именем ее оказалось связано сразу несколько летописей (полагаю, наряду называвшимися летописями и Киево-Печерским патериком, ее духовник Симон сводил древню часть «Летописца 72

язык»), возможно, ею принесены на Русь такие сочинения латинской традиции, как жития свв. Вацлава и Людмилы Чешских, св. Венедикта Нурсийского, Римский патерик. Но она и не подумала сделать достоянием новой родины жития Кирилла и Мефодия – Константинопольских посланцев, чья миссия развернулась в Моравии.

Сообразно этому, во владими́ро-суздальском строительстве Всеволода происходят перемены. Как убедительно показывает С.В. Заграевский, в византийском зодчестве XII века сохранялось наследие иконоборчества: канонический запрет на объемные изображения (производная учения о «первородном грехе»). Его свидетельствуют новгородские по своей стилистике – приземистые, простые по формам, аскетичные церкви постройки Юрия Долгорукого, самоговорящие богатырские объемы которых восполняют формальный запрет антропоморфной скульптуры. Ни с оными, ни с куртуазно-изысканным низким рельефом изящных Покровской и Успенской церквей Андрея Боголюбского ничего общего не имеет райски-пышный орнамент (Небо, спустившееся на Землю), рельефные полотна и готическая устремленность ввысь построек эпохи Милославы – Дмитровского и Рождественского соборов во Владимире, Успенского в Ярославле. Как и наследника их, Георгиевского собора Святослава Всеволодовича, воздвигнутого в Юрьеве, последнего домонгольского собора Руси, ставшего «программой» этнического русина – митрополита Петра, перенеся резиденцию в Москву, проектировавшего соборную Успенскую церковь по этому образцу (оплачивать орнаментировку отказался скупой князь Калита)...

Наверное и богословский тезис русских иерархов, Киево-Печерских идеологов, вслед за Иларионом, отстаиваемый Нифонтом (мною полагаемым как автор «Иакимовской» летописи) [см. <http://www.smip.spb.ru/news/2013/0062.htm>] и Симоном – противопоставлявшими Новый завет Ветхому, не смог бы существовать в поработенной греками стране, не будь политической поддержки иерархам. Она спасала их от судьбы епископа Федорца Ростовского (сестричича Петра Бориславича, выданного Боголюбским кесарем и замученного греческими архиреями в Киеве). Адептов мифа о византийской образованности, как и о византийской ортодоксии тех веков, отсылаем к памфлетной летописной новелле о Федорце Ростовском – за исключением летописи Бориславича и Рязанской летописи (отразившейся в летописи Никоновской), ставшей обязательной принадлежностью летописных кодексов Русской митрополии. Княгиня не противилась лжи митрополита о владыке ростовцев (противников младших Юрьевичей) и его мздоимстве, но позаботилась, чтоб в летописи попал рассказ о симонии самого митрополита Никифора [ПСРЛ, т. 1-й, с.с. 391-392]! Внимание мы обращаем не столько даже на описание пыток, коим подвергали Федорца (и каковые ему приписывали) греческие священнослужители в русской столице [см. там же, с.357 и дал.], сколько на титулование Сатанаилом врага рода человеческого. Так, с сохраняемым ангельским суффиксом, его титуловали связанные с Хазарией сектанты – павликиане и богомилы. Сектантство православных иерархов было хорошо известно князьям, почему, напр., в княжеском христианском именовании практически не использовалось имя Павла – к которому возводили свое происхождение ново-манихейские мироненавистнические секты.

Политические установки Владимирской княгини, явно антивизантийские, выдает заголовок, сохраненный обоими списками летописи Переславльской – идущей от начатой в уделе Ярослава Всеволодовича по черновому экземпляру летописи Милославы [*Милотенко*, с.53], не оставляющий сомнений в самосознании Владимиро-Суздальских династов: «Летописец Русских царей». Они были усвоены Суздальскими князьями, числившими себя царями – не независимо от формального царского венчания 1547 г., как и династического в 1471 г., именно в те эпохи, когда не признавали даннической зависимости от «царя» (ордынского хана) – до 1246 и после 1472 г.г..

Милославой Шварновной была возобновлена политическая доктрина Владимира Святославича и митр. Илариона Киевского – постулировавших Царское достоинство Русских династов, уничтоженная при их преемниках, погрузивших Русь во тьму византийского рабства.

Не произойди этого, вероятно, рабство политическое – татарскому хану (союзнику греческого царя, представляемого на Руси константинопольским наместником – митрополитом), производное от рабства духовного, оказалось бы остающимся государственно-политическим фактом, намного позднее 1470-х годов! Не гречанке Софье

Палеолог – как пытался убедить читателя С.Герберштейн и как донныне повторяют «православне патриоты», обязано Русское царство идеей независимости от Улуса, но Милославе Чешской, не дожившей до татарского нашествия, чьи идеи, однако, пережили его и были живы на протяжении семи веков (пока в XX в. Самодержавство не было повержено, а Русь превращена в провинцию Коминтерна\Фининрена)!

В списках ПВЛ дошедших редакций 1113-1118 годов очутимо отражается полемика с Печерским монастырем Выдубицкого, котрому передал летописание Владимир Мономах, завладев великокняжеским венцом. Судя по Эрмитажному списку Московской летописи 1479 г., по выборке статей Кармазинской I летописи, отразившей начало работы над новой редакцией Суздальской летописи в 1180-х годах, редакторы располагали «черновиком» Повести Временных лет, отражавшим процесс ее сведения в 1110-х годах из Временника 1094 года и конфискованной Мономахом (и переписанной) летописи Печерского монастыря [см. http://samlib.ru/editors/z/zhdanowich_r_b/k1130-letijuraskreshiwanijarusihelxgi-hundingoboesnaukraine.shtml].

Он близок к редакции Лаврентьевской летописи.

Характерно, что в местах расхождений Лаврентьевской редакции с Радзивилловской, в Переславльской летописи мы наблюдаем лакуны, закрывающие до нескольких лет повествования [«Повесть Временных лет», 1996, с.с. 82-84, 87-88, 95-95, 112]. Вторая редакция подробней, напр., под летом 6587-м: «*Приде Романъ с половци къ Воину. Всеволодъ же ста у Переяславля, и створи миръ с половци. И възвратися Романъ с половци възпять. <И> убиша и половци, месяца августа 2 день. Суть кости его и доселе <лежаще тамо>, сына Святославля, внука Ярославля. А Олга емше <козаре>, поточиша и за море, Цесарюграду» [там же, с.87]. Чтения, отсутствующие в Лаврентьевской и Ипатьевской, в угловых скобках. Воин – это городок в Переяславской земле, в годы княжения Всеволода и Владимира Всеволодовича недоступный их противникам, и младшие братья убитого не могли похоронить останки Романа Красного. Это отметил летописец Святославичей (Черниговская летопись не дошла донныне), слова котрого сокращала летопись Мономаха. Однако они восстанавливались.*

Сокращен был в Выдубицком монастыре рассказ об исцелении Феодосьевыми трудами инока Исаакия, стоячий в Лаврентьевской, до потери смысла, реставрированный – в Радзивилловской [там же, с.с. 82-84]. Так же в «Речи философа»: «...*Рече Каин: Изидеве на поле, Авелю, – <и послушаше его Авель, и> яко изыдоста, възста Каинъ, и хотяше убити и, и не умяше, яко убити и» [там же, с.41]. «...В си же времена родися Моисей въ жидехъ, <и реша вольсви египетьстии царю: Родился есть детище въ жидовския въметати в реку>, аще хоцетъ погубити Еюпетъ, ту абье повеле царь ражающаяся дети жидовския въметати в реку» [там же, с.43]. В Радзивилловской летописи мы находим много известий о св.Ольге, изъятых из ПВЛ по списку Лаврентия [там же, с.с. 27-28]...*

Рассказ о Киевском восстании 1113 года полноценно представлен ныне лишь цитатами Татищева из утраченной летописи Петра Бориславича (одна из причин ненависти филосемитов, от Голубинского до Анисимова, к В.Н.Татищеву). Летописи с «Повестью Временных лет» выдают непрерывную работу по сокращению оригинального рассказа. В великорусских редакциях об этом молчок [ПСРЛ, т. 1-й, с.290; т. 20-й, с.108; т. 23-й, с.29; т. 30-й, с.57]. В южнорусской летописи, передаваемой Ипатьевской [там же, т. 2-й, с.278] и Московской (включившей летописание 2-го периода царствования св.Юрия Всеволодовича, после возвращения им Владимирского стола) известия стоят, хотя в сильном сокращении. Московская передает их чуть подробнее [там же, т. 25-й, с.27]. И в Никоновской – летописи XVI века (когда якобы «боролись с жидовством»), использовавшей Московскую века XV, мы видим всё то же, дальнейшее сокращение этой новеллы, изъятие нетолерантных именованиий и терминов [там же, т. 9-й, с.с. 143-144].

Тенденция редактора XII века, производившего сокращения, помимо филохазарской и филэллинской, столь же прозрачна. «*В лете 6596. Священна бысть церкви святого Михаила манастыря Всеволожа митрополитомъ Ивановъ, а игуменьство тогда держащу того манастыря Лазъреви. <Того же лета иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити. В се же лето умре Никонъ, игумень Печерский. В се же лето възяша болгаре Муром.*

В лето 6597. Священна бысть церкви Печерская> святыя Богородица монастыря Феодосьева Иоаномъ митрополитомъ, и Лукою, Белгородскимъ епископомъ, Исаемъ, Черниговскимъ епископомъ, при благороднемъ князи Всеволоде, державнемъ Русьскыя земля, и чаду его, Володимере и Ростиславе, воеводство держащу Киевскыя тысяща Яневи, игуменьство держащу Иоану» [*«Повесть Временных лет», с.88*]. Выдубицкий монастырь полемизирует с изымаемым, касавшимся престолонаследника (в XI в. князь Новгорода) и писаным в Печерском монастыре (это видно, вплоть до различий в правописании).

Радзивилловская рассказывает о приходе Олега Черниговского в Тмуторокань особым вводным предложением: «В лето 6602. Сотвори миръ Святополкъ с половцы, и поя себе жену дщерь Тугорканю, князя половецкаго» [там же, с.95]. Это – мир вокняжившегося Святополка с Тугорканом – объясняет дальнейшее, передаваемое одинаково: «Том же лете приде Олегъ с половци ис Тмуторокони, приде к Чернигову, Володимеръ же затворися в граде. Олегъ же приде к граду и поже около града, и манастыре поже. Володимеръ же створи миръ съ Олегомъ, и иде из града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде в град отца своего» [там же]. Князь-Изяславич пытался избавиться опеки сына Цесаревны, Мономаха, воспользовавшись половецкими связями двоюродного брата Олега. Но дружба Святополка с тестем не продлилась: «В лето 6603. Идоша половцы на Грькы с Девъгеневичемъ, воеваша по Гречьстей земли; и цесарь я Девгенича, и повеле и слепити. В то же лето придоша половци, <И>тларь и Кытанъ, к Володимеру на миръ. Приде <И>тларь в градъ Переяславль, а Кытанъ ста межи валома с вои; и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали, а <И>тларь бысть въ граде с лепшею дружиною. В то же время бяше пришелъ Славята ис Кыева к Володимеру от Святополка <на некое орудие>. И начаша думати дружина Ратиборя съ княземъ Володимером о погубленьи <И>тларевы чади. Володимеру же – не хотящу сего створити, отвеща бо: Како се могу створити, роте с ними ходивъ? Отвещавше же дружина, рекоша Володимеру: Княже, нету в томъ греха, да они всегда к тебе ходячее роте, губять землю Русьскую и кровь христьянску проливають беспрестани! И послуша Володимеръ, и в ту же ночь посла Володимеръ Славяту с неколикою дружиною и с торкы межи валы. И выкрадше первое Святослава, потомъ убиша Кытана и дружину его избиша» [там же, с.96].

Сохранился первичный рассказ во Владимирском Летописце [ПСРЛ, т. 30-й, см. Предисловие]. Это летопись основанная на подборке материалов, частично скопированных в сб. №1596 (копия 1580 г.) Погодинского собрания РНБ, в т.ч. протографичных к летописным статьям [О.Л.Новикова *"Материалы для изучения русского летописания конца XV - 1-й\2 XVI в."*, *"Очерки феодальной России"*, вып. 11-й, М.-СПб., 2007, с.154]. Один список хранился в роду Кривоборских (с грифом владельца, типа «хранить вечно») – князей Стародубских, потомков Ивана Всеволодовича, младшего сына Милославы Шварновны. Второй принадлежал Владимирскому Рождественскому монастырю, основаному Милославой.

Оная летопись вообще лучше хранит Киевский протограф 1100-х годов, напр.: «В лето 6605. ...И нача Владимиръ [Всеволодович] и Давыдъ и Олегъ [Ольговичи] подвизатися на Святополка, а Святополкъ хотя бежати ис Кыева. Киане же не пустиша его, глаголя: Пошли ко братии о миру. И послаша Киане Всеволожью княгиню и митрополита Николу к Володимеру и Давыду и Олгу, глаголя: Не погубите Руския земли, своеи отчины и дедины! И умолен бысть Володимеръ, и братья его, княгиню Всеволожью и митрополитом Николою» [ПСРЛ, т. 30-й, с.53]. В Лаврентьевской «...княгиня» выпало [там же, т. 1-й, с.264].

ВЛ говорит: «Того же лета приидоша Тларь и Китан к Володимеру [Всеволодовичу] о миру. Тларь идее в Переяславль, а Китан ста меж вольма с вои. Владимиръ вда Катанови сына своего Святослава в тали. И бояре думаша князю о погублении ихъ. И посла Владимиръ Славяту, и выкрадше Святослава и убиша Китана и дружину его» [там же, т. 30-й, с.51].

Тларь – это именование хана в Лаврентьевской летописи, ВЛ передает краткий протограф именно ее редакции (редакции ПВЛ летописцев Карамзинской летописи). Редакторы – переложили на Святополка идею убиения ханов, поданню сыном Всеволода Ярославича. Но их, кроме уцелевшего и востребованного Милославой протографа, выдают и гордые (!) признания самого византийца Мономаха, чье «Поучение» внесено в Лаврентьевскую летопись (только в нее) [*«Повесть Временных лет», с.103*].

Где Феврония Суздальская вела летопись, доставшуюся Михалку Юрьевичу по наследству, как сыну Юрия Долгорукого, Милослава не поленилась организовать археографическую работу, разыскав ряд летописных материалов, некогда сокрытых Владимиром Мономахом и его византийскими придворными. Чешской княжне «цареградские» обычаи православных не внушали почтения. И неблагоприятные дела императорского родственника, мужа деда, она безтрепетно огласила. Она же частично устранила филохазарскую правку летописи XI века, проведенную Мономахом, скрывавшим роль хазар в борьбе его и его отца с Черниговскими князьями.

Роман Жданович

<http://www.zrd.spb.ru/>